

Наринэ Абгарян

С НЕБА
УПАЛИ
ТРИ
ЯБЛОКА

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
А13

Серийное оформление: *Марина Акинина*
В оформлении обложки использована работа
Александра Заварина
Иллюстрации: *Сона Абгарян*

Абгарян, Наринэ Юриковна
А13 С неба упали три яблока / Наринэ Абгарян. — Москва:
Издательство АСТ, 2017. — 318, [1] с.

ISBN 978-5-17-091621-4

История одной маленькой деревни, затерянной высоко в горах, и ее немногочисленных обитателей, каждый из которых немножко чудак, немножко ворчун и в каждом из которых таятся настоящие сокровища духа.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос = Рус)6-44

Подписано в печать 04.09.2017.
Формат 84 x 108¹/₃₂. Усл. печ. л. 16,8.
Доп. тираж 5000 экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1: 953000 — книги, брошюры

© Наринэ Абгарян, текст, 2014
© Александр Заварин, иллюстрация на обложке, 2015
© Сона Абгарян, иллюстрации, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Часть I

ТОМУ, КТО ВИДЕЛ

Глава 1

В пятницу, сразу после полудня, когда солнце, перевалившись через зенит, чинно покатилося к западному краю долины, Севоянц Анатолия легла помирать.

Перед тем как отойти в мир иной, она тщательно полила огород и насыпала курам корму с запасом — мало ли когда соседи обнаружат ее бездыханное тело, не ходить же птице некормленной. Далее откинула крышки стоящих под водосточными желобами дождевых бочек — на случай внезапной грозы, чтобы льющими сверху потоками воды не смывало фундамент дома. Потом она пошарила по кухонным полкам, собрала все недоеденные припасы — плоски со сливочным маслом, сыром и медом, краюху хлеба и половину отварной курицы — и отнесла в прохладный погреб. Вытащила из шифоньера «смёртное»: глухое шерстяное платье с белым кружевным ворот-

ничком, длинный передник с вышитыми гладью карманами, туфли на плоской подошве, вязаные гулпа¹ (всю жизнь мерзли ноги), тщательно постиранное и выглаженное нижнее белье, а также прабабушкины четки с серебряным крестиком — Ясаман догадается вложить их ей в руку.

Оставила одежду на самом видном месте гостевой комнаты — на тяжелом, покрытом холщовой салфеткой дубовом столе (если поднять край этой салфетки, можно разглядеть два глубоких, отчетливых следа от ударов топора), водрузила на стопку смёртного конверт с деньгами — на похоронные расходы, вытащила из комода старую клеенчатую скатерть и ушла в спальню. Там она разобрала постель, разрежала клеенку пополам, постелила на простыню одну половину, легла, накрылась второй половиной, накинула сверху одеяло, сложила на груди руки, завозилась затылком, удобно устраиваясь на подушке, глубоко вздохнула и закрыла глаза. Следом сразу же встала, распахнула до упора обе створки окна, подперла их горшками с геранью — чтобы не захлопнулись, и снова легла. Теперь можно не беспокоиться, что покинувшая ее брэнное тело душа будет потерянно блуждать по комнате. Освободившись, она сразу же выпорхнет в открытое окно — навстречу небесам.

Такие скрупулезные и подробные приготовления имели под собой весьма значительную и печальную причину — вот уже второй день Севоянц Анатолия истекала кровью. Обнаружив на исподнем непонятные бурые пятна, она сначала обомлела, потом

---

¹ Толстые вязаные носки.

внимательно рассмотрела их и, убедившись, что это действительно кровь, горько расплакалась. Но, устыдившись своего страха, одернула себя и поспешно утерла слезы краем косынки. Зачем плакать, если неизбежного не миновать. У каждого своя смерть, кому-то она отключает сердце, у кого-то, глумясь, отнимает разум, а ей, стало быть, определила уйти от потери крови.

В том, что недуг неизлечим и скоротечен, Анатолия не сомневалась. Ведь не зря он пронзил самую бесполезную и бессмысленную часть ее тела — матку. Словно намекал, что это кара, ниспосланная ей за то, что она не смогла выполнить своего главного предназначения — родить детей.

Запретив себе плакать и роптать и тем самым смирившись с неизбежным, Анатолия на удивление быстро успокоилась. Порылась в бельевом сундуке, извлекла старую простыню, разрежала ее на несколько частей, соорудила некое подобие прокладок. Но к вечеру выделения стали такими обильными, что казалось — где-то внутри у нее лопнула большая и неиссякаемая вена. Пришлось пустить в ход те малые запасы ваты, которые хранились дома. Так как вата грозилась вскорости закончиться, Анатолия распорол край одеяла, вытащила оттуда несколько клоков овечьей шерсти, тщательно ее промыла и расстелила сушиться на подоконнике. Конечно, можно было сходить к живущей по соседству Шлапканц Ясаман и попросить ваты у нее, но Анатолия не стала этого делать — вдруг не удержится, расплачется и расскажет подруге о своей смертельной болезни. Ясаман тут же

всполошится, метнется к Сатеник, дабы та отправила в долину молнию за каретой скорой помощи... Разъезжать по врачам, чтобы они мучили ее болезненными и бесполезными процедурами, Анатолия не намеревалась. Решила умереть сохраняя достоинство и умиротворение, в тишине и спокойствии, в стенах дома, где она прожила свою нелегкую и напрасную жизнь.

Легла она поздно, долго разглядывала семейный альбом, лица канувших в Лету родных под скудным освещением керосиновой лампы выглядели особенно печальными и задумчивыми. Скоро увидимся, шептала Анатолия, глядя каждую карточку своими огрубевшими от тяжелого деревенского труда пальцами, скоро увидимся. Несмотря на подавленное и тревожное состояние, уснула она легко и проспала до самого утра. Проснулась от всполошенного крика петуха — птица бестолково шебаршилась в курятнике, с нетерпением дожидаясь того часа, когда ее выпустят погулять по огородным грядкам. Анатолия внимательно прислушалась к себе. Самочувствие определила как вполне сносное — если не считать ломоты в пояснице и легкого головокружения, вроде ничего и не беспокоило. Осторожно поднялась, сходила в сортир, с каким-то злым удовлетворением убедилась, что крови стало еще больше. Вернулась в дом, соорудила из клока шерсти и лоскута ткани прокладку. Если дело и дальше так пойдет, то к завтрашнему утру из нее вытечет вся кровь. Значит, еще одного восхода в ее жизни может просто не случиться.

Она постояла на веранде, впитывая каждой клеточкой бережный утренний свет. Сходила к сосед-

ке — поздороваться и узнать, как у нее дела. Ясаман затеяла большую стирку — как раз ставила на дровяную печку тяжелый чан с водой. Пока вода грелась, они поговорили о том о сем, обсудили житейские дела. Скоро поспеет шелковица, надо будет ее трясти, собирать плоды, из одной части варить сироп, другу часть сушить, а третью оставить доходить в деревянной бочке, чтобы потом пустить на тутовую самогонку. Да и за конским щавелем пора уже собираться, через неделю-другую будет поздно — на жарком июньском солнце трава быстро грубеет и делается непригодной для пищи. Анатолия ушла от подруги, когда вода в чане закипела. Теперь можно не беспокоиться, Ясаман о ней до завтрашнего утра не вспомнит. Пока постирает белье, пока накрахмалит его, подсинит, развесит сушиться на солнце, соберет, погладит. Только к позднему вечеру и управится. Так что у Анатолии будет достаточно времени, чтобы тихо отойти в мир иной.

Успокоенная этим обстоятельством, утро она провела в неспешных будничных хлопотах и лишь после полудня, когда солнце, перейдя купол неба, чинно покатилося к западному краю долины, легла помирать.

Анатолия была младшей из трех дочерей Севоянц Капитона и единственной из всей его семьи, кому удалось дожить до преклонного возраста. Слышанное ли дело — в феврале справила пятидесятивосьмилетие — небывалая для ее родных дата.

Мать свою она помнила плохо — та умерла, когда ей было семь лет. У нее были необычайного золотистого оттенка миндалевидные глаза и густые медовые

кудри. Звали ее очень созвучно ее внешности — Воске¹. Мать заплетала свои чудесные волосы в тугую косу, укладывала ее с помощью деревянных шпилек в тяжелый узел на затылке и ходила чуть запрокинув назад голову. Часто водила пальцами по шее, жаловалась, что та немеет. Раз в год отец сажал ее у окна, бережно расчесывал волосы и аккуратно подрезал их на уровне поясицы — выше подрезать мать не позволяла. И дочерям никогда не обрезала косы — длинные волосы должны были уберечь их от проклятия, которое кружило над ними вот уже двенадцать лет, с того дня, когда она вышла замуж за Севоянц Капитона.

На самом деле замуж за него должна была пойти ее старшая сестра, Татевик. Татевик тогда было шестнадцать, и четырнадцатилетняя Воске, вторая девочка на выданье в большой семье Агулисанц Гарегина, принимала самое деятельное участие в подготовке к торжеству. По вековой, чтимой многими поколениями маранцев традиции, после церемонии венчания свадьбу должны были сыграть в доме невесты, а потом — в доме жениха. Но главы семей Капитона и Татевик — двух богатых и уважаемых родов Марана — решили объединиться и сыграть одну большую свадьбу на мейдане². Торжество обещало быть неслыханным по размаху. Отец Капитона, решив поразить воображение многочисленных гостей, отправил в долину двух своих зятьев, чтобы они пригласили на свадьбу музыкантов камерного театра. Те вернулись

¹ Золотая (арм.).

² Центральная площадь в небольших населенных пунктах, место, где собирались люди.

уоставшие, но довольные и объявили, что чопорные музыканты сразу же сменили гнев на милость (виданное ли это дело, приглашать в деревню театральный оркестр!), когда узнали о щедром гонораре в две золотые монеты каждому и запасе провизии на неделю, который после торжества обещали доставить на телеге в театр зятя Капитона. Отец Татевик готовил свой сюрприз — на свадьбу был приглашен самый известный толкователь снов долины. За вознаграждение в десять золотых он согласился заниматься своим ремеслом на протяжении всего дня, единственное, что попросил, — помочь с доставкой необходимого для работы оборудования: шатра, стеклянного шара на массивной бронзовой подставке, стола для гаданий, широкой тахты, двух вазонов с густопахнущим разлапистым растением невиданной доселе породы и диковинных спиральных свечей из специальных сортов растертого в порошок дерева, которые горели по нескольку месяцев, распространяя вокруг имбирный и мускусный аромат, но не догорали. На свадьбу, кроме маранцев, были приглашены полсотни жителей долины, в большинстве своем — уважаемые и состоятельные люди. О предстоящем празднестве, обещавшем превратиться чуть ли не в достопамятное событие, написали даже в газетах, и это было особенно почетно, потому что прежде пресса никогда не упоминала о торжествах в семьях, не имевших дворянского происхождения.

Но случилось то, чего никто не ожидал, — за четыре дня до бракосочетания невеста слегла с лихорадкой, промучилась в горячечном бреду сутки и, не приходя в сознание, скончалась.

В день ее похорон над Мараном, видимо, разверзлись какие-то иные, темные врата и выступили другие, обратные небесным силы, потому что ничем, кроме помутнения рассудка, поведение глав двух семейств объяснить было нельзя. Сразу же после отпевания, недолго посоветовавшись, они решили не отменять свадьбу.

— Не пропадать же расходам, — объявил за поминальным столом бережливый Агулисанц Гарегин. — Капитон хороший парень, работающий и уважительный, любой будет рад заполучить такого зятя. Татевик Бог забрал к себе, значит, так тому и суждено было случиться, грех роптать на Его волю. Но у нас имеется еще одна дочь на выданье. Так что мы с Анесом решили, что замуж за Капитона пойдет Воске.

Никто не посмел возразить мужчинам, и безутешной после потери любимой сестры Воске ничего не оставалось, как безропотно выйти замуж за Капитона. Траур по Татевик отодвинули на неделю. Свадьбу отгуляли большую, шумную и очень сытную, вино и тутовая самогонка лились рекой, сервированные под открытыми небом столы ломились от всевозможных блюд, облаченный в темные сюртуки и начищенные до блеска ботинки оркестр наигрывал польки и менуэты, маранцы какое-то время напряженно прислушивались к непривычной уху классической музыке, но потом, порядком охмелев, махнули рукой на приличия и пустились в обычный деревенский пляс.

В шатер толкователя снов мало кто наведывался — не до того было разгоряченным обильной едой и питьем гостям свадьбы. Воске туда за руку привела обеспокоенная двоюродная тетя, когда девушка, уловив минуту, рассказала в двух словах сон, который ей приснился

накануне венчания. Толкователь оказался крохотным, тощим и невероятно, аж устрашающе уродливым стариком. Он показал рукой, куда сесть Воске, — та обомлела, разглядев мизинец его правой руки: длинный, много лет не стриженный темный ноготь, согнувшись скобой, огибал подушечку пальца и рос вдоль ладони, в сторону кривого запястья, сковывая движения всей кисти. Тетю старик бесцеремонно выпроводил из шатра, велел подежурить у входа, сам устроился напротив, широко расставив ноги в диковинных шароварах и свесив между колен длинные тонкие кисти, и молча уставился на Воске.

— Мне сестра приснилась, — ответила на его незаданный вопрос девушка. — Стояла спиной — в красивом платье, с вплетенной в косу жемчужной нитью. Я хотела обнять ее, но она не далась. Обернулась ко мне — лицо почему-то старое, в морщинах. И рот такой... словно язык не умещается. Я заплакала, а она отошла в угол комнаты, выплюнула какою-то темную жидкость себе в ладони, протянула мне и говорит: «Не видать тебе счастья, Воске». Я перепугалась и проснулась. Но самое страшное случилось после, когда я открыла глаза и поняла, что сон продолжается. Время было раннее энбашти ¹, петухи еще не кричали, я пошла попить воды, зачем-то взглянула вверх, на потолок, и увидела в ердике ² печальное лицо Татевик. Она скинула мне под ноги свой головной ободок с накидкой и исчезла. А ободок и накидка, коснувшись пола, рассыпались в прах.

---

¹ Раннее утро, отрезок от 3 до 6 утра.

² Окно в потолке помещения.

Воске тяжело разрыдалась, размазывая по щекам черную краску с ресниц — единственную косметику, которой пользовались женщины Марана. Из расширенных дорогим кружевом и серебряными монетами разрезов шелковой минтаны¹ выглядывали ее хрупкие детские запястья, на виске тревожно забились голубая беспомощная жилка.

Толкователь снов с шумом выдохнул, издав протяжный, раздражающий слух звук. Воске осеклась и испуганно уставилась на него.

— Слушай меня, девочка, — проскрипел старик, — сон я тебе объяснять не буду, проку в этом никакого, все равно ничего уже не изменить. Единственное, что посоветую, — никогда не состригай волосы, пусть они всегда прикрывают тебе спину. У каждого человека — свой оберег. У меня, — тут он помахал перед носом Воске правой рукой, — ноготь мизинца. А у тебя, стало быть, — волосы.

— Хорошо, — шепнула Воске. Она подождала немного, надеясь на какие-то еще указания, но толкователь снов хранил угрюмое молчание. Тогда она поднялась, чтобы уйти, но, собравшись с духом, заставила себя спросить: — Вы не знаете, почему именно волосы?

— Не могу знать. Но раз она кинула тебе головной убор — значит, хотела прикрыть то, что может уберечь тебя от проклятия, — не отрывая взгляда от дымящейся свечи, ответил старик.

Воске вышла из шатра, испытывая смешанные чувства. С одной стороны, ей было не так тревожно, потому что часть своего беспокойства она оставила

---

¹ Платье на торжество.

толкователю снов. Но в то же время не отпускала мысль, что ей пришлось, хоть и не из злого умысла, но все-таки выставить покойную сестру в глазах постороннего человека чуть ли не ведьмой. Когда она пересказала переминавшейся в нетерпении у шатра тетке пророчество старика, та почему-то несказанно обрадовалась:

— Главное, что нам нечего бояться. Делай так, как он тебе посоветовал, и все обойдется. А душа Татевик на сороковой день покинет нашу грешную землю и оставит тебя в покое.

Воске вернулась за свадебный стол — к новоиспеченному мужу, робко улыбнулась ему. Тот смутился, улыбнулся в ответ и внезапно густо покраснел — несмотря на солидный по патриархальным меркам двадцатилетний возраст, Капитон был очень стеснительным и робким юношей. Три месяца назад, когда в семье пошли разговоры о том, что пора бы его женить, муж старшей сестры сделал ему подарок — отвез в долину и оплатил ночь в доме терпимости. В Маран Капитон вернулся в большой растерянности. Не сказать что ночь утех, проведенная в объятиях пахнущей розовой водой, гвоздикой и потом публичной женщины, не пришлась ему по душе. Скорее наоборот — он был оглушен и заморожен теми томительно жаркими ласками, которыми она его щедро одарила. Но неясное чувство гадливости, легкая тошнота, которая зародилась в нем в ту самую минуту, когда он поймал выражение ее лица — извиваясь, словно змея, издавая глухие стоны и лаская его искусно и страстно, она умудрялась сохранять такую бесчувственную, каменную мину, словно не любовью занималась, а чем-то